

На правах рукописи

УСАЧЁВА МАРИЯ НИКОЛАЕВНА

**ЛОКАТИВНЫЕ ПАДЕЖИ В СОСТАВЕ ГРУПП С ПРОСТРАНСТВЕННЫМ
ЗНАЧЕНИЕМ В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ**

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2012

Работа выполнена на кафедре теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова».

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ:

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»

Ариадна Ивановна Кузнецова

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ:

доктор филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник сектора финно-угорских языков ФГБУН «Институт языкознания РАН»

Татьяна Борисовна Агранат

кандидат филологических наук,
доцент Учебно-научного центра лингвистической типологии ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет»

Наталья Вадимовна Сердобольская

ВЕДУЩАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ:

ФГБУН «Институт лингвистических исследований
РАН»

Защита диссертации состоится «___» _____ 2012 года в ___ часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.24 при ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» по адресу: 119991 ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М. В. Ломоносова, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале 1-го учебного корпуса ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова».

Автореферат разослан «___» _____ 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

А. М. Белов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее диссертационное исследование посвящено исследованию функций, которые в пермских языках выполняют локативные (пространственные) падежи. К пермским языкам, входящим в финно-угорскую группу уральской семьи, относятся коми и удмуртский. Язык коми подразделяется на коми-зырянское, коми-пермяцкое и коми-язьвинское наречие, удмуртский – на северное, срединное, южное и бесермянское наречия [Хайду 1985]¹. Пермские языки характеризуются наличием ряда пространственных падежей, которые наряду с пространственными, целевыми и временными значениями, а также с маркированием актантов глаголов определенных семантических групп выполняют также ряд аспектуальных функций. В работе предпринимается попытка предложить описание, объединяющее различные функции пермских локативных падежей, позволяющее объяснить возникновение у них аспектуальных значений и предсказать дальнейшие возможные тенденции развития системы средств выражения пространственных отношений в языках рассматриваемой группы.

Актуальность исследования состоит в следующем. Насколько нам известно, не существует исследований, содержащих единое описание функций пермских локативных падежей с учетом структуры системы пространственных отношений в пермских языках в целом, а также типологических особенностей языков данной группы. В грамматиках пермских языков и их диалектов предлагается, как правило, только перечень классов глаголов, присоединяющих группы в форме локативных падежей. В типологических работах пермские примеры зачастую приводятся только в качестве иллюстрации. Кроме того, значительное число работ посвящено какому-либо одному аспекту функционирования локативных падежей в пермских языках и в уральских языках в целом – (морфо)синтаксису или семантике. Книга Р. Бейкера «The Development of the Komi Case System: A Dialectological Investigation» (Helsinki, 1985), содержащая достаточно полный обзор падежных функций, посвящена только коми языкам. Далее, исследование аспектуальных функций пространственных падежей в пермских языках представляет интерес с типологической точки зрения, поскольку, как показано в работе, в языках данной группы происходит перестройка системы

¹ Хайду П. Уральские языки и народы. М.: «Прогресс», 1985.

средств выражения пространственных отношений, и, следовательно, на их материале можно проследить процесс формирования аспектуальных значений у единиц с пространственным значением. Наконец, в качестве важного инструмента лингвистических исследований в современной науке все чаще используются психолингвистические эксперименты. В работе подробно освещен один из таких экспериментов, проведенный с носителями бесермянского наречия в рамках исследования функций бесермянских локативных падежей.

Объектом исследования являются языки пермской подгруппы финно-угорской группы уральской семьи.

Основным предметом исследования являются суффиксы пермских локативных падежей. По ходу изложения также анализируются свойства ряда пермских послелогов и реляционных имен.

Цель исследования состоит в создании максимально полного и единообразного описания функций локативных падежей в пермских языках, обладающего объяснительной силой. Данная цель достигается в работе в ходе решения следующих **задач**:

- рассмотреть пространственные значения пермских локативных падежей с точки зрения места, которое эти падежи занимают в системе пространственных отношений языков и диалектов рассматриваемой группы;
- представить морфосинтаксическую структуру пермских локативных групп в формальном виде (с использованием аппарата минимализма);
- осуществить экспериментальную проверку гипотезы о влиянии дискурсивных факторов на функционирование определенного участка системы пространственных отношений в пермских языках;
- рассмотреть аспектуальные значения пермских локативных падежей и предложить модель их возникновения из пространственных значений;
- проследить историю развития значений пермских локативных падежей от протоуральского состояния до наших дней;
- предложить возможные варианты дальнейшего развития систем локативных падежей в пермских языках.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые предлагается единообразное описание функций, которые локативные падежи

выполняют в пермских языках, с учетом особенностей устройства пермских языков в целом и достижений общей типологии и синтаксической теории. Кроме того, в работе подробно излагаются методика и результаты психолингвистического эксперимента, который впервые был проведен с носителями одного из удмуртских диалектов с целью проверки гипотез о влиянии дискурсивных факторов на выбор между падежными формами имен и послеложными конструкциями.

Теоретическое значение исследования. На материале пермских языков прослежены пути эволюции локативных падежей от маркеров пространственных отношений к маркерам аспектуальных значений. Экспериментально подтверждено влияние фактора эмфатического выделения на выбор между синонимичными падежными формами имен и послеложными конструкциями в удмуртском языке. Продемонстрированы преимущества метода внутригенетической типологии, позволяющего детально описать определенный фрагмент грамматики рассматриваемых языков.

Практическая ценность исследования. Результаты исследования могут быть использованы при создании грамматик малоизученных языков и диалектов и могут служить материалом для типологических исследований локативных падежей. Материалы и методика эксперимента могут использоваться в ходе дальнейших психолингвистических экспериментов, проводимых в полевых условиях.

Методы исследования:

- в качестве основного использован метод внутригенетической типологии (сравнения близкородственных языков). При проведении психолингвистического эксперимента использовалась методика референциальной коммуникации;
- в ходе рассмотрения истории образования показателей пермских локативных падежей также частично использовался сравнительно-исторический метод.

Теоретической базой исследования послужили труды по грамматике пермских языков зарубежных и отечественных ученых: Р. Бейкера, Д. В. Бубриха, Р. М. Баталовой, В. И. Лыткина, К. Е. Майтинской, Б. А. Серебренникова, П. Алвре, Б. Коллиндера, В. И. Алатырева, В. К. Кельмакова, Г. А. Некрасовой, В. А. Сорвачевой, Т. И. Жилиной, Н. А. Колеговой, Р. Ш. Насибуллина и др. – а

также общетеоретические работы М. Крахта, В. Фонг, Е. В. Падучевой, М. Корхонена, С. Левинсона, Д. Кресселя, К. Леманна, К. Редди, В. А. Плунгяна, Д. С. Ганенкова, Ю. В. Мазуровой, У. Таули, Дж. Кара, Ю. Иликоски, Я. Г. Тестельца и др. В анализе морфосинтаксиса локативных групп мы опираемся на работы Э. Эшбери, К. Кисс, Б. Герке, А. П. Леонтьева и А. П. Симоненко. При проведении психолингвистического эксперимента мы руководствовались работами Р. Краусса, С. Вайнхаймера, Дж. Юла, О. В. Федоровой и Г. Л. Зайцевой.

Источниками материала послужили оригинальные тексты (на бесермянском диалекте удмуртского языка, ижемском и печорском диалектах коми-зырянского языка и на литературном удмуртском языке) и грамматические описания. Большой объем материала был собран автором при работе с носителями бесермянского диалекта удмуртского языка и мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка в ходе лингвистических экспедиций в д. Шамардан Юкаменского района Удмуртской республики (2009 и 2010 г.г.) и с. Мужы Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа (2008 и 2009 г.г.). Кроме того, использовались данные литературных и диалектных словарей пермских языков.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В развитии систем локативных падежей (и, шире, систем средств выражения пространственных отношений) в пермских языках прослеживаются единые тенденции.

2. Семантическая структура локативных падежей в пермских языках некогда взаимодействовала с семантической структурой как единиц, к которым присоединялись показатели этих падежей, так и с семантической структурой глаголов, то есть локативные падежи обозначали и локализацию (местоположение объекта относительно ориентира), и тип движения объекта относительно ориентира. В настоящее время большинство локативных падежей обозначают тип движения, но не локализацию. Кроме того, семантическая структура локативных падежей все теснее взаимодействует с семантической структурой глагола, оказывая таким образом влияние на обозначение определенных аспектов структуры ситуации (например, имела ли место ситуация до момента речи и будет ли сохраняться положение дел после окончания ситуации).

3. В настоящее время в пермских языках выражение локализации берут на себя реляционные имена (имена, не употребляющиеся без зависимого), выступающие как в качестве вершин локативных групп, так и в виде последней части композитов (сложных слов), основы серийных послелогов (послелогов, способных присоединять показатели локативных падежей) и специализированные показатели локализации.

4. В пермских языках достаточно интенсивно идет процесс образования серийных показателей локализации, что для уральских языков необычно.

5. В результате перестройки системы средств выражения пространственных отношений в пермских языках возникла синонимия падежных форм имен и послеложных конструкций. На выбор между данными синонимичными формами в дискурсе влияет фактор эмфатического выделения, что для бесермянского наречия было подтверждено экспериментально.

Апробация исследования. Основные положения диссертационного исследования были изложены на Пятой, Шестой и Седьмой конференциях по типологии и грамматике для молодых исследователей (г. Санкт-Петербург, 2008 – 2010 г.г.), на Четвертой Московской студенческой конференции по лингвистике (апрель 2009 г.), на Третьей Международной конференции по полевой лингвистике (октябрь 2009 г., г. Москва), на Ломоносовских чтениях филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (апрель 2010 г.) и на Одиннадцатом Международном конгрессе финно-угроведов «Финно-угорские народы и языки в XXI веке» (г. Пилишчаба, Венгрия, август 2010 г.). На основе результатов исследования на отделении теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в 2009 – 2010 г.г. было прочитано два спецкурса для студентов старших курсов и аспирантов. По теме диссертации опубликовано девять работ, в том числе три – в изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Работа прошла обсуждение на кафедре теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова».

Структура и объем исследования. Тема работы, ее цель и поставленные задачи определили структуру диссертационного исследования, которое состоит из

введения, трех глав и заключения. Основная часть работы изложена на 277 страницах компьютерного текста. Список цитируемой в диссертации литературы содержит 214 источников на русском, английском, немецком, венгерском, удмуртском и коми языках.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение содержит общую характеристику работы, обоснование актуальности темы, описание цели и задач исследования, его объекта, предмета, методов, теоретического и практического значения работы, изложение основных положений диссертации, а также информацию об апробации результатов исследования.

Глава I «Теоретический обзор» посвящена общетеоретическим основам исследования. В **разделе I.1** обсуждаются определение категории падежа, характеристические свойства этой категории, а также основания для разделения падежей на ядерные и локативные. Также данный раздел содержит подробный обзор существующих русскоязычных и зарубежных описаний уральских (и в особенности пермских) локативных падежей. Делается вывод о том, что, несмотря на чрезвычайно высокую описательную и общетеоретическую ценность абсолютного большинства из них, было бы удобно использовать для анализа падежной семантики терминологически единый аппарат, позволяющий делать типологические обобщения и облегчающий сбор материала в условиях полевых исследований. В качестве такого аппарата в нашем исследовании используется набор типов движения и основных локализаций. Под локализацией имеется в виду пространственное отношение между ориентиром и объектом, а под типом движения – конкретный характер перемещения объекта относительно ориентира. Проиллюстрируем эти понятия на примере высказывания (1):

(1) удмуртский язык, бесермянский диалект (полевые записи):

Gid' dor-ên sâl-e parš' tuš'.

хлев APUD-INESS стоять-PRS.3SG свинья корыто

Около хлева стоит корыто для свиней.

В этом высказывании объектом является корыто для свиней, а ориентиром, относительно которого определяется местонахождение корыта, – хлев. Локативное отношение между ними состоит в совпадении местоположения объекта в момент

речи с областью пространства вблизи ориентира. Это отношение выражается основой *dor-* ‘около’. Тот факт, что местоположение объекта совпадает с местоположением ориентира на протяжении всего времени ситуации, описывается как статический тип движения. Он выражается на поверхностном уровне показателем инессива *-ән*.

Исследование основывается на следующих типах движения, предложенных М. Крахтом:

1. статический (static; объект остается в одной и той же заданной локализации на протяжении всего времени ситуации; примеры: англ. *in the house*, инессив в финском и венгерском языках);
2. конечный (кофинальный, *sofinal*; объект передвигается в заданную локализацию на протяжении времени ситуации; примеры: англ. *into the house*, иллатив в финском и венгерском языках);
3. начальный (коинициальный, *coinitial*; объект передвигается из заданной локализации на протяжении времени ситуации; примеры: англ. *out of the house*, элатив в финском и венгерском языках);
4. переходный (transitory; объект передвигается в заданную локализацию, а затем из заданной локализации на протяжении времени ситуации; пример: англ. *through the tunnel*);
5. аппроксимативный (approximative; объект приближается к заданной локализации; пример: англ. *towards the tunnel*).

Набор «базовых» локализаций, используемый в ходе исследования, взят из работ В. А. Плунгяна. Этот набор имеет следующий вид:

1. IN ‘пространство внутри ориентира’;
2. SUPER ‘пространство выше ориентира’;
3. SUB ‘пространство ниже ориентира’;
4. ANTE ‘пространство перед ориентиром’;
5. POST ‘пространство позади ориентира’;
6. AD ‘поверхность ориентира’;
7. APUD ‘любая область пространства рядом с ориентиром/вблизи ориентира’;

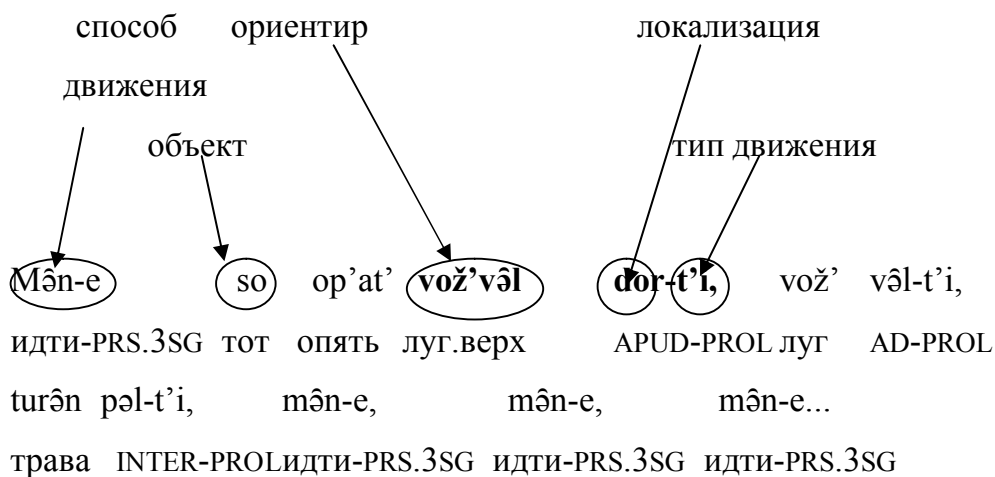
8. INTER ‘пространство между элементами множества или совокупности, служащих ориентиром’;
9. CIRCUM ‘пространство вокруг ориентира’;
10. ULTRA ‘пространство далеко от/ вне сферы действия ориентира’;
11. LAT ‘пространство сбоку ориентира’;
12. PART ‘периферийная часть ориентира (край, кромка, оконечность и т.п.)’;
13. SUPER-C ‘верхняя поверхность ориентира’;
14. SUB-C ‘нижняя поверхность ориентира’;
15. LAT-C ‘боковая поверхность ориентира’.

В разделе I.2 вводится понятие реляционного имени, являющееся ключевым для диссертационного исследования. Реляционными являются имена, обозначающие член некоторого отношения и имеющие синтаксическую валентность на второй член этого отношения, причем эта валентность обязательно должна быть заполнена. В силу специфики предмета исследования нас интересуют прежде всего реляционные имена, обозначающие геометрические стороны объектов (типа «сторона», «часть», «острие» и под.), а также обозначения частей тела, способные стать источниками средств выражения локализаций (ср. рус. *бок* → *сбоку*). В работе подробно обсуждаются критерии, позволяющие разграничить реляционные имена, послелого, показатели локативных падежей и наречия. Далее, в данном разделе излагается установка автора настоящего исследования анализировать локативные падежи в составе системы средств выражения пространственных значений. В связи с этим в качестве первого этапа анализа функций этих падежей предлагается выявить языковые средства, кодирующие элементы пространственной ситуации. К этим элементам относятся:

- объект;
- ориентир;
- локализация;
- топологические характеристики ориентира (семантический класс);
- тип движения;
- способ движения;
- цель движения.

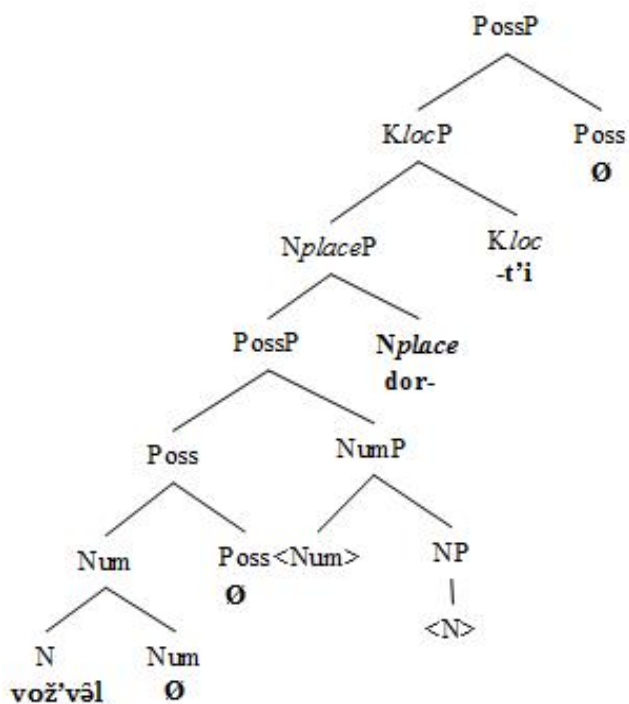
Например, в высказывании (2) присутствуют пять элементов пространственной ситуации – способ движения (перемещение пешком; средство выражения – основа глагола *mânê* ‘идти’), объект (*so* ‘она’), ориентир (*vož’vâl* ‘луг’, букв. «поверхность луга»), локализация (APUD ‘любая область пространства рядом с ориентиром/вблизи ориентира’; средство выражение – послеложная основа *dor* ‘около’) и тип движения (переходный; средство выражения – суффикс пролатива *-t’i*):

(2) удмуртский язык, бесермянский диалект (полевые записи):

Идет она опять мимо луга, по лугу, по траве, идет, идет, идет...

В высказывании (2) в качестве средства выражения локализации выступает основа послелога, а в качестве средства выражения типа движения – суффикс пролатива. Чтобы представить это наглядно, мы используем формализованный анализ морфосинтаксической структуры локативной группы в духе минимализма (анализ основан на представлении структуры именной группы в пермских языках, предложенном А. П. Симоненко и А. П. Леонтьевым). Для средства выражения локализации в этом анализе «зарезервирована» проекция N_{place} , для средства выражения типа движения – проекция K_{loc} . Структура локативной группы *vož’vâl dort’i* ‘мимо луга’ имеет следующий вид:

Далее в **разделе I.2** подробно обсуждается проблема разграничения актантов и сирконстантов, а также составления инвентаря семантических ролей. В работе демонстрируется, что существующая процедура выделения актантов и сирконстантов вызывает справедливые возражения, поэтому в связи с пространственными значениями локативных падежей в работе говорится не об актантах и сирконстантах, а о модификации толкования глагола. Что касается семантических ролей, в силу отсутствия общепринятого их набора и четкой процедуры выделения в работе говорится не о них, а о глагольных классах (такая замена возможна, поскольку семантические роли по сути дела представляют собой «ярлыки» для семантических классов глаголов).

От проблемы актантов и сирконстантов мы переходим к проблеме составления глагольных толкований. Для этого в работе используется так называемый «динамический» подход к глагольной семантике, предложенный Е. В. Падучевой в книге «Динамические модели в семантике лексики» (М., 2004). В основе этого подхода лежит положение о наличии исходного значения слова, подвергающегося изменениям под влиянием контекста, а также о наличии определенных моделей, по которым происходят эти изменения. Например, в качестве исходного значения глагола *заметить* Е. В. Падучева предлагает следующее: ‘обратить внимание на объект X, который бросается в глаза (выделен)’. Это значение представлено в примере *Он заметил у нее на руке кольцо*

[Падучева 2004: 229]. Во фразе *Старик Державин нас заметил* представлено другое значение – ‘понять, что X отличается от других в лучшую сторону, и сделать свою оценку известной другим людям (субъект – общество/общественно значимое лицо)’. Это второе значение возникает в результате выхода на передний план компонента **ВЫДЕЛЕННОСТЬ**, который в исходном значении присутствовал в качестве фонового [Падучева 2004: 230].

В рамках динамического подхода Е. В. Падучева вводит понятие актуализации компонента толкования. Актуализация состоит в смещении фокуса внимания с одного компонента на другой при условии, что эти компоненты имеют отношение к одному и тому же участнику ситуации [Падучева 2004: 98]. Это понятие можно проиллюстрировать на примере двух производных значений глагола *выйти*. Первое значение ‘перестать находиться/пребывать: изменение устойчивого состояния’, представленное в контекстах типа *выйти из больницы*, возникает благодаря актуализации компонента **ПЕРЕСТАТЬ**. В структуре второго значения ‘переместившись, начать действовать’ (ср. *выйти на прогулку*) актуализируется компонент **НАЧАТЬ** [Падучева 2004: 100].

Использование динамического подхода для анализа функций пермских локативных падежей продемонстрировано на материале высказываний (3)–(5), в которых представлена сочетаемость бесермянского глагола *аӟ’әнә* ‘видеть, увидеть’ с тремя разными локативными падежами в одних и тех же контекстах (Корбан, упомянутый в примере (3) – бесермянский праздник, связанный с окончанием полевых работ):

(3) удмуртский язык, бесермянский диалект (полевые записи):

Kôrban-iš'en аӟ’-i mon so-je, lăktâ-l-i-z Sergej-en-a,
Корбан-EGR видеть-PRT я тот-ACC приходить-ITER-PRT-3 Сергей-INSTR-Q
kin’-en-a.
кто-INSTR-Q

Я его видела на Корбане, приходил то ли с Сергеем, то ли с кем-то еще.

(4) удмуртский язык, бесермянский диалект (полевые записи):

A saldat baš't-i-z so-je gur až'-iš'tâ-z, až'-e
а солдат брать-PRТ-З тот-ACC печка перед-EL-З видеть-PRS.3SG
štora š'er-a-z š'ion-juon tros.

штора сзади-INESS-З еда-питье много

А солдат взял её от печки и увидел за шторой много еды-питья.

(5) удмуртский язык, бесермянский диалект (полевые записи):

Nâl'-l'os až'i-z-ê Vaš'a-ez, č'orêg-z-ê korž'inka-eš'tâ-z i
девочка-PL видеть-PRТ-Р.З-PL Вася-ACC рыба-Р.З-ACC корзинка-EL-З и
vala-z-ê ma-lê so ož' puk-e.

понимать-PRТ-Р.З-PL что-DAT тот так сидеть-PRS.3SG

Девочки увидели Васю, рыбу в его корзинках и поняли, почему он так сидит.

Различие в падежном оформлении локативных групп в примерах (3)–(5) можно объяснить, обратившись к толкованию глагола ‘видеть, увидеть’. Это толкование заимствовано из работы [Падучева 2004: 220], поскольку исходное значение бесермянского глагола *až'ânâ* ‘видеть, увидеть’ очень похоже на исходное значение русских переводных эквивалентов. В толковании переменными обозначены участники, угловыми скобками маркированы переменные по инкорпорированным участникам, не имеющие соответствия в виде синтаксических актантов в исходном употреблении глагола, в круглые скобки заключены необязательные компоненты:

Y увидел X =

Эксперимент Y обратил *глаза* в то {Место [Z], где находится Перцепт X}

(или, наоборот, имел *глаза* направленными в то Место, куда переместился X)

это вызвало:

в сознании Y-а возник Зрительный образ <V> X-а

(Y сопоставил X-у ментальный Образ <K>)

Различие в падежном оформлении, которое имеет место в примерах (3) –(5), связано с актуализацией разных компонентов толкования. В примере (3) в фокусе внимания говорящего находится то место, где находится Перцепт, а также тот факт, что в момент восприятия началась новая ситуация. Такой эффект возникает за счет взаимодействия семантической структуры глагола ‘видеть, увидеть’ с

семантической структурой эгессива. В бесермянском диалекте эгессив в пространственных контекстах имеет следующее значение (в семантической структуре Т обозначает движущийся объект, LM – ориентир):

- до начала ситуации Т не двигается,
- в момент начала ситуации локализация Т совпадает с локализацией LM;
- в момент, следующий за началом ситуации, Т начинает движение.

Однако в пермских языках происходит расширение сферы действия локативных падежей с ситуации движения на другие типы ситуаций. В ходе этого расширения из их семантической структуры вытесняется компонент ДВИЖЕНИЕ. Итоговая семантическая структура эгессива в сочетаниях с пространственными именами имеет следующий вид:

- до момента речи ситуация не имеет места,
- в момент начала ситуации локализация участника Место совпадает с локализацией другого участника X.

В результате взаимодействия семантических структур глагола ‘видеть, увидеть’ и эгессива актуализуется компонент «обратил глаза в Место Z». Итоговая семантическая структура выражения *až'ânâ* Z-EGR имеет следующий вид (разреженным шрифтом обозначен актуализованный компонент):

- Y *až'iz* X Z-EGR (Y увидел X-а в Z) =
- Экспириент Y обратил *глаза* в то Место [Z], где находится Перцепт X
- (или, наоборот, имел *глаза* направленными в то Место, куда переместился X)
- это вызвало: в сознании Y-а возник Зрительный образ <V> X-а
- (Y сопоставил X-у ментальный Образ <K>).

Бесермянский инессив, употребление которого продемонстрировано в (4), при оформлении имен с пространственной семантикой имеет следующую семантическую структуру:

- от момента начала ситуации до момента ее окончания локализация участника Место совпадает с локализацией другого участника X.

В результате взаимодействия семантической структуры инессива, употребленного в примере (4), с семантической структурой глагола, в последней происходят следующие изменения:

Y aʒ'iz X Z-INESS (Y увидел X-а в Z) =

Экспериент Y обратил *глаза* в то Место [Z], где находится Перцепт X (или, наоборот, имел *глаза* направленными в то Место, куда переместился X)

это вызвало:

в сознании Y-а возник Зрительный образ <V> X-а

(Y сопоставил X-у ментальный Образ <K>).

Таким образом, в центре внимания говорящего при произнесении примера (4) находится тот факт, что локализация пространства сзади шторы и еды-питья совпадают.

Наконец, элатив, употребленный в примере (5), устроен следующим образом:

до момента речи ситуация имеет место,

в момент начала ситуации локализация участника Место совпадает с локализацией другого участника X,

в некоторый момент на протяжении ситуации локализация участника Место не совпадает с локализацией участника X.

Элатив актуализует другой компонент в значении глагола:

Y aʒ'iz X Z-EL (Y увидел X-а в Z) =

Экспериент Y обратил *глаза* в то Место [Z], где находится Перцепт X

(или, наоборот, имел *глаза* направленными в то Место, куда переместился X)

это вызвало:

в сознании Y-а возник Зрительный образ <V> X-а

(Y сопоставил X-у ментальный Образ <K>).

В конце **раздела I.2** кратко рассматриваются непространственные значения пермских локативных падежей, а также те значения, которые эти падежи приобретают в составе ряда конструкций.

Глава II «Пространственные употребления пермских локативных падежей» образует композиционный центр работы. В **разделе II.1** «Особенности структуры пространственной ситуации в пермских языках» подробно анализируются семантические и синтаксические свойства пермских реляционных имен, послелогов и локативных падежей. На основании анализа делается вывод о том, что в различных диалектах пермских языков, несмотря на некоторые частные расхождения (например, в коми языках цель движения выражается специальным падежом, в удмуртском языке – послелогом; в литературном удмуртском языке, коми-зырянском и коми-язьвинском наречиях локализация DOMUS ‘место жительства X-а’ выражается основами послелогов, а в ряде диалектов коми-пермяцкого и удмуртского – специальными суффиксами и т. д.), изменения в кодировании элементов пространственной ситуации подчиняются единым тенденциям. Основная тенденция состоит в том, что в пермских языках локализация выражается, как правило, реляционными именами или основами серийных послелогов. Примером выражения локализации реляционным именем может служить высказывание (6), в котором локализация INTER ‘пространство между элементами множества или совокупности, служащих ориентиром’ выражена реляционным именем *vis* ‘промежуток’, а статичность задается с помощью показателя инессива:

(6) удмуртский язык, бесермянский диалект (полевые записи):

Ulč'a-jên traktor-en ataj-en-âz visk-ân petux
 улица-INESS трактор-INSTR отец-INSTR-3 промежуток.OBL-INESS петух
 sâl-e.
 стоять-PRS.3SG

На улице между отцом и трактором стоит петух.

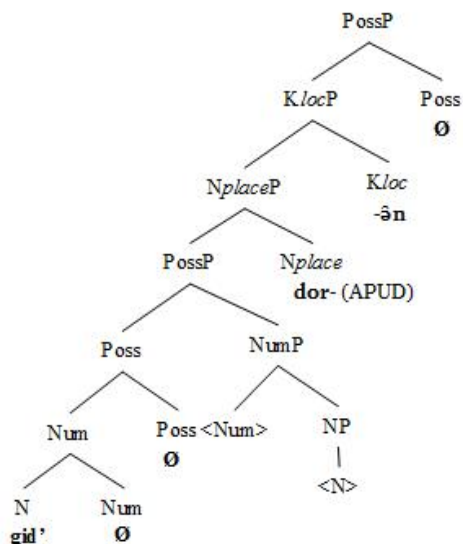
Основой послелога выражается локализация APUD ‘любая область пространства рядом с ориентиром/вблизи ориентира’ в примере (7) (этот факт отражается в представлении морфосинтаксической структуры через заполнение основной послелога проекции N_{place}):

(7) удмуртский язык, бесермянский диалект (полевые записи):

Gid' dor-ên sêl-e parš' tuš'.

хлев APUD-INESS стоять-PRS.3SG свинья корыто

Около хлева стоит корыто для свиней.

В качестве средств кодирования локализации в пермских языках функционируют также недавно образовавшиеся «серийные» показатели локализации. Они выступают как средства выражения трех локализаций – DOMUS, APUD и AD, что продемонстрировано в таблице 1:

Локализация	Показатель
DOMUS 'место жительства X-а'	-н' - (удм. сев., бес.), -д- (к.-перм.)
APUD 'область пространства рядом с ориентиром/вблизи ориентира'	-лань-, -ла- (к.-зыр.), -д- (к.-перм.)
AD 'поверхность ориентира'	-в-, -в ^о в ^о -, -л- (к.-перм.)

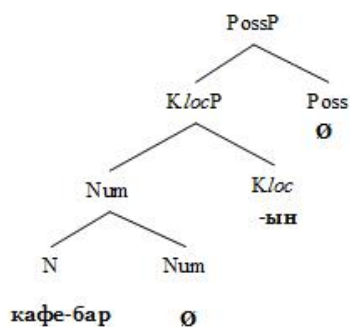
Таблица 1. Новые показатели падежных «серий» в пермских языках и выражаемые ими локализации

В качестве примера употребления «серийного» показателя локализации приведем высказывание (8), в котором суффикс -л- при присоединении к основе имени *шойна* 'могила' выражает локализацию AD 'поверхность ориентира':

(8) коми-пермяцкий язык [Баталова 1975²: 132]:

шойна-л-а-с тэчӧн-ы
могила-AD-ILL-3 класть-PRS.3PL
кладут на могилу

Из трактовки суффиксов падежных «серий» как показателей локализации следует, что выражать локализацию могут также два локативных падежа – аппроксиматив и консекутив, поскольку их суффиксы входят в число «серийных» (в пользу данного тезиса свидетельствует также ряд других аргументов, подробно обсуждаемых в работе). Кроме того, в пермских языках локализация может выражаться локативными падежами, отличными от аппроксиматива и консекутива. Эта функция локативных падежей представлена в примерах типа *Кафе-барын дискотекаос ортчыло* ‘В кафе-баре проводятся дискотеки’, *Малэ улэп адями тузон-дэриын ортчытэ уло даурзэ* ‘Почему живой человек проводит свой век в пыли и грязи’ [Кондратьева 2010³: 8]. В подобных случаях локативные падежи выступают одновременно как средства выражения локализации и типа движения. На морфосинтаксическом уровне это отражается в заполнении показателями локативных падежей проекции K_{loc} и отсутствии в морфосинтаксической структуре проекции N_{place} :

Подобные употребления пермских локативных падежей являются «наследием» уходящей системы, в эти падежи функционировали как средства выражения и типа движения, и локализаций IN, INTER и APUD. Однако в настоящее время в системах средств выражения пространственных отношений в пермских языках наблюдается перераспределение функций: локализацию начинают выражать послеложные

² Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975.

³ Кондратьева Н. В. Выражение пространственных отношений в современном удмуртском языке // Урал-алтайские исследования. № 1(2). М., 2010. С. 5-16.

основы и серийные показатели локализации, а локативные падежи специализируются в качестве средств выражения типов движения, а также значений, близких к аспектуальным. Возможность для такого перераспределения создают контексты, допускающие употребление падежных форм как имен, так и послелогов, которые при этом выступают как синонимы. Примерами таких употреблений являются локативные группы в высказывании (9), а также в парах высказываний (10) – (11) и (12) – (13):

(9) удмуртский язык, бесермянский диалект (полевые записи):

Bolot korka, so korka pušk-ê pâr-i-z.
болото дом.ILL тот дом IN.OBL-ILL войти-PRT1-3
В дом на болоте, в этот дом он зашёл.

(10) удмуртский язык, бесермянский диалект (полевые записи):

Vel't'-e, vel't'-e č'ašja pəl-t'i.
ходить-PRS.3SG ходить-PRS.3SG лес INTER-PROL
Ходит, ходит по лесу.

(11) удмуртский язык, бесермянский диалект (полевые записи):

Pios murt-en soldat-en perehod vâl-t'i
мужик-INSTR солдат-INSTR мостик AD-PROL
pot-i-z-ê i č'ašja-t'i mân-o.
выходить-PRT-P.3-PL и лес-PROL идти-PRS.3PL
Мужик с солдатом по мостику перешли и по лесу идут.

(12) удмуртский язык, бесермянский диалект (полевые записи):

So pot-i-z es-t'i.
тот выйти-PRT1-3 дверь-PROL
Он вышел через дверь.

(13) удмуртский язык, бесермянский диалект (полевые записи):

So pot-i-z es pâr / es pâr-t'i.
тот выйти-PRT1-3 дверь сквозь / дверь сквозь-PROL
Он вышел через дверь.

С целью выявления факторов, влияющих на выбор между синонимичными падежными формами и послеложными конструкциями, был проведен

психолингвистический эксперимент, подробному описанию которого посвящен **раздел II.2** диссертационного исследования. В ходе этого эксперимента обнаружилось, что в бесермянском диалекте удмуртского языка возможно употребление основ серийных послелогов *piš(k)*- ‘внутри (вместилища)’, *pəl*- ‘внутри (однородной среды)’ и *pâr*- ‘через, сквозь’ в том случае, если имеет место эмфатическое выделение образуемых ими локативных групп. Действием похожих факторов объяснял выбор между падежными формами и послеложно-падежными конструкциями в коми языках Р. Бейкер, что подтверждает общность процессов, происходящих в системе средств выражения пространственных отношений во всех пермских языках. В ходе эксперимента, описанного в настоящем диссертационном исследовании, были также отвергнуты гипотезы о влиянии на выбор между синонимичными падежными формами и послеложными конструкциями факторов положения имени в иерархии одушевленности, семантического класса имени, референциального статуса именной группы и степени активации референта (данное/доступное/новое), влияющих на другие грамматические явления в языках рассматриваемой группы.

Далее в **главе II** речь идет о развитии пермскими локативными падежами аспектуальных значений. Говорить об этом позволяют случаи употребления при одном и том же глаголе разных локативных падежей в составе локативных групп, имеющих одно и то же значение. Так, в примере (14) место действия при глаголе *aldaš'kânâ* ‘заблудиться’ маркировано инессивом, а в примере (15) – иллативом:

(14) удмуртский язык, бесермянский диалект (полевые записи):

{Mân-o pejmât zək č'ašja-t'i.} Alda-š'k-i-z-â zək
идти-PRS.3PL темный большой лес-PROL терять-DETR-PRT-P.3-PL большой
č'ašja-jân.
лес-INESS

{Идут по большому темному лесу.} Заблудились в большом лесу.

(15) удмуртский язык, бесермянский диалект (полевые записи):

Dugd-i-z-ê, naš'k-o krugom: č'ašja pəl-ê
останавливаться-PRT-P.3-PL смотреть-PRS.3PL кругом лес INTER-ILL
alda-š'k-i-z-ê.

терять-DETR-PRT-P.3-PL

Остановились, смотрят кругом: в лесу заблудились.

В терминах динамического подхода, избранного нами для описания функций пермских локативных падежей, примеры (14) и (15) получают следующую интерпретацию. В примере (14) описывается действие, происходящее в лесу. В ходе этого действия местоположение объекта (героев) относительно ориентира (леса) не меняется, вследствие чего лес маркируется инессивом. В примере (15) речь идет о ситуации, которая наступила сразу после того, как герои попали в лес, поэтому в нем употреблен показатель иллатива. Основываясь на этих объяснениях, можно предложить следующую семантическую структуру бесермянских инессива и иллатива в составе локативных групп (такую же структуру имеют соответствующие падежи в других пермских языках):

Инессив:

от момента начала ситуации до момента ее окончания локализация участника Место совпадает с локализацией другого участника X.

Иллатив:

до момента речи ситуация не имеет места,

в момент начала ситуации локализация участника Место не совпадает с локализацией другого участника X,

в некоторый момент на протяжении ситуации локализация участника Место совпадает с локализацией участника X.

Из примеров (14) и (15) видно, что пермские локативные падежи развиваются в направлении выражения тех аспектов ситуации, на которые хочет обратить внимание говорящий. Так, в примере (14) фокус внимания говорящего сосредоточен на внутренней фазе ситуации, для говорящего главным является тот факт, что субъекты высказывания находятся в лесу. В случае примера (15) говорящий обращает внимание на динамический аспект ситуации: субъекты

заходят в лес и теряются в нем. Таким образом, инессив и иллатив позволяют «выделить» разные стороны локативной ситуации. Таким же образом обстоит дело и с другими пермскими локативными падежами: с их помощью говорящий «высвечивает» разные аспекты локативной ситуации.

После аналогичного анализа остальных пермских локативных падежей в работе предлагаются их толкования и схематические представления случаев их употребления.

Наконец, в **главе III «Соответствие средств выражения пространственных отношений в пермских языках реконструкциям более ранних периодов»** сравниваются системы средств выражения пространственных отношений протоуральского, протопермского и современного пермского периодов. В главе подробно анализируются реконструкции протоуральских падежей и делается вывод о том, что реконструируемые падежи относятся к разным стадиям развития протоуральского языка. При введении такой «относительной датировки» оказывается, что система протоуральских локативных падежей в каждый момент состояла не более, чем из пяти элементов, выражавших статический, начальный и конечный типы движения. Можно предположить, что переходный тип движения и локализации в этот период выражались именами и немногочисленными послелогоми. Протопермская система была значительно богаче: в ней локативными падежами выражались все типы движения, а также сочетания некоторых локализаций с типами движения. Кроме того, в протопермской системе функционировали три падежа, которые в современных пермских языках утратили пространственные функции: адессив на **-lɛn* (его потомком является современный генитив1), аблатив на **-lɛs'(t)* (потомок – современный генитив2) и аллатив на **-lɛk*, **-lak* (потомок – современный датив).

Отдельный раздел **главы III** посвящен вопросу конкуренции локативных падежей между собой, а также локативных падежей и послелогов. В этом разделе разграничиваются случаи конкуренции, являющиеся проявлением «реликтов» значений, которые современными падежами практически утрачены, и случаи, являющиеся следствием инноваций в системе средств выражения пространственных отношений. Так, например, синонимия падежных форм и падежно-послеложных конструкций в бесермянском диалекте удмуртского языка, о которой упоминалось

выше, возникла вследствие новейших изменений в семантике локативных падежей. В то же время спорадические употребления датива в значении аллатива в удмуртском языке являются «отзвуком» тех функций, которые этот падеж выполнял в протопермский период и которые позже закрепились за иллативом и послеложными конструкциями.

В **заключении** диссертационного исследования сформулированы следующие основные выводы:

- В развитии систем локативных падежей (и, шире, систем средств выражения пространственных отношений) в пермских языках прослеживаются единые тенденции.
- Семантическая структура пермских локативных падежей некогда взаимодействовала с семантической структурой как единиц, к которым присоединялись показатели этих падежей, так и с семантической структурой глаголов. Иными словами, до нейтрализации оппозиции внешнеместных и внутреннеместных падежей локативные падежи в пермских языках обозначали и локализацию, и тип движения.
- В настоящее время в пермских языках выражение локализации и топологических характеристик ориентира берут на себя реляционные имена, выступающие как в качестве вершин локативных групп, так и в виде последней части композитов, основы серийных послелогов, а также серийные показатели локализации, процесс образования которых идет достаточно интенсивно.
- В развитии системы пространственных отношений в пермских языках прослеживаются тенденции, способные привести эту систему к следующей стадии: существуют серийные показатели, выражающие локализацию, и показатели локативных падежей, выражающие тип движения, причем ограничений на сочетаемость членов этих двух групп друг с другом сравнительно мало.
- Семантическая структура пермских локативных падежей все теснее взаимодействует с семантической структурой глаголов, оказывая таким образом влияние на обозначение определенных аспектов структуры ситуации (например, имела ли место ситуация до момента речи и будет ли сохраняться положение дел после окончания ситуации). Эта тенденция поддерживается

синонимичными контекстами, в которых локализации AD, IN и INTER, которые раньше выражались показателями локативных падежей, либо не вербализуются, либо выражаются основами серийных послелогов.

- По сравнению с протоуральским состоянием, в пермских языках развилась довольно богатая система средств выражения пространственных отношений. Тем не менее, в протопермском сохранялось свойственное протоуральскому периоду положение дел, при котором ряд локализаций выражается либо локативными падежами, либо реляционными именами/послелогом. Однако в современных пермских языках заметна тенденция к ликвидации синонимии послелогов и локативных падежей: падежи перестают обозначать локализацию, для выражения которой, в свою очередь, образуются специализированные «серийные» показатели (этот процесс затрагивает не все локализации, а только AD, APUD, IN, INTER ‘пространство внутри однородной среды’ и DOMUS).
- В протопермский период преобладающим способом образования показателей новых локативных падежей было слияние падежных формантов, а для современного этапа характерна скорее агглютинация послелогов.

Основное содержание работы отражено в **следующих публикациях:**

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Бирюк О. Л., Усачёва М. Н. Конкуренция в зоне пролатива в языке бесермян: морфосинтаксические и дискурсивные аспекты // Казанский, Н. Н. (отв. ред.). Acta Linguistica Petropolitana: труды института лингвистических исследований. Вып. 6, ч. 3. Материалы Седьмой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. С-Пб, Наука, 2010. С. 15-19.
2. Строева М. Н. Семантика «конкретных» падежей в уральских языках // Казанский, Н. Н. (отв. ред.). Acta Linguistica Petropolitana: труды института лингвистических исследований. Том 4, ч. 2. Материалы Пятой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. С-Пб, Наука, 2008. С. 174-180.
3. Усачёва М. Н. Показатели элатива, эгрессива и аблатива в пермских языках: сферы употребления и зоны конкуренции // Казанский, Н. Н. (отв. ред.). Acta

Linguistica Petropolitana: труды института лингвистических исследований. Вып. 7, ч. 3. Материалы Шестой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. С-Пб, Наука, 2009. С. 208-213.

Статьи в журналах, сборниках научных трудов, материалах конференций и симпозиумов:

4. Бирюк О. Л., Усачёва М. Н. Дискурсивные факторы, влияющие на выбор между послеложной и послеложно-падежной формой в бесермянском диалекте удмуртского языка // Кузнецова, А. И. (отв. ред.). Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Русские словари, 2012. С. 607-646.
5. Усачёва М. Н. К вопросу о способах описания падежной семантики в уральских языках (на примере мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка) // Научный вестник Ямало-Ненецкого Автономного округа. №6(58) «Уральские языки севера Сибири». Салехард, 2008. С. 24-32.
6. Усачёва М. Н. Выявление значений уральских пространственных падежей в полевых условиях и связанные с ним проблемы // III Международная конференция по полевой лингвистике. Тезисы и материалы. М., 2009. С. 156-160.
7. Усачёва М. Н. Краткий очерк грамматики и лексики коми-зырянского языка (по материалам мужевского говора ижемского диалекта). Категория падежа // Бирюк О. Л., Кашкин Е. В., Кузнецова А. И., Усачёва М. Н. Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка. Екатеринбург: Баско, 2010.
8. Усачёва М. Н. Локативные падежи в составе групп с пространственным значением в пермских языках // Кузнецова, А. И. (отв. ред.). Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Русские словари, 2012. С. 141-217.
9. Усачёва М. Н. Семантика локативных падежей в уральских языках: опыт систематизированного описания (на примере бесермянского наречия) // Congressus XI Internationalis Finno-Ugristarum Piliscsaba 2010. Pars VI: Dissertationes symposiorum ad linguisticam. С. 120-128.